

МИХАИЛ ЧВАНОВ

АТОМНЫЙ ГОРОД НА СТРАЖЕ МИРА

Памяти Константина Арсеньевича Володина

В детстве по ночам на юго-восток от нашего села, лежащего на прекрасной реке Юрюзани, на границе Башкирии и Челябинской области, над горами, простёртыми в сторону города Усть-Катава, горизонт вдруг начинал высвечиваться всполохами. Звук, похожий на гром, доходил до нас с опозданием, как при далёкой затухающей грозе, но на грозу это всё-таки было непохоже, потому что громыхало однотонно, протяжно, к тому же не только летом, и, казалось, под ногами содрогалась земля, хотя ясно было, что происходило это за десятки километров от нас. А может, и на самом деле содрогалась, теперь трудно определённо сказать, а может, это чувство вызывала тревога от таинственности происходящего. На мой вопрос, что это такое, отец отмахнулся: “Наверное, что-то испытывают”, – тоном, обозначающим, что он сам не знает и что такие вопросы лучше не задавать. Много лет спустя я узнал, что это действительно на полигоне в районе города Усть-Катава испытывали артиллерийско-ракетные системы залпового огня, изготавливаемые на Усть-Катавском трамвайном заводе, впрочем, трамваи на нём тоже делали.

Однажды отец пришёл с работы с необыкновенной покупкой: ламповым радиоприёмником, а долгое время до этого единственным источником информации была висевшая на стене ещё военного времени чёрная бумажная “тарелка” (в первые дни Великой Отечественной войны радиоприёмники были конфискованы, чтобы народ не поддавался панике и вражеской пропаганде). В первый же вечер мы с отцом наткнулись в эфире, продравшись сквозь треск и вой глушилок, на радиостанцию “Голос Америки”, и, к нашему потрясению, в ряду главных мировых новостей диктор сообщил о таинственном строительстве сверхсекретного объекта на Южном Урале в районе деревни Васильовки. И не меньшим потрясением было то, что о Васильовке этот голос говорил и следующим вечером и чуть ли не каждый следующий день: вот на станцию Красная Горка пришёл новый эшелон с военными строителями, вот на ближайшей станции Транссибирской магистрали, Вязовой, разгрузили ещё один вагон с заключёнными, вот они вручную начали копать ещё один котлован, превосходящий по размерам предыдущие, судя по глубине, скорее всего, под подземный завод. . .

– Значит, не зря предупреждают о шпионах, – хмуро и тревожно говорил отец. – Кто-то же есть, кто регулярно сообщает в Америку, что там, в Васильовке, за колючей проволокой, происходит. Мы ничего не знаем, а они,

в Америке, всё знают. Хотя, видимо, не ко всему имеет доступ этот человек, потому как самого главного они по радио не сообщают: каково назначение этого секретного объекта... Ты это, смотри, никому не говори, что мы с тобой “Голос Америки” слушаем. Да и вообще лучше не слушать и, от греха подальше, ничего не зная, жить спокойнее, а то одни переживания.

И вот теперь про эту самую Василевку и Красную Горку чуть ли не каждый вечер обеспокоено вещал “Голос Америки”, почему-то невзрачная южноуральская деревенька и небольшая грузовая станция, с которой здешний лесспромхоз отгружал лес, Америку очень тревожили.

И только в октябре 1993 года, во время разрушительной “перестройки” страны, чуть не перешедшей в гражданскую войну, на картах России появился, словно всплывший из-под воды град Китеж, город Трёхгорный, названный по трём окружающим его горным вершинам, за свою полувековую как бы нелегальную историю много раз менявший своё имя. Вот только некоторые из них: завод № 590, “хозяйство Володина”, склад №933 Главгорстроя СССР, п\я Г-4146, п\я 17. С 1955 года он мимикрировал под микрорайон г. Златоуста с почтовым индексом “Златоуст-20”, с 1967 года – с почтовым индексом “Златоуст-36”, хотя находился от реального Златоуста в 100 километрах и административно с ним никак не был связан. В октябре 1993 года он как бы получил гражданский паспорт, и, как свидетельствует его биографическая справка, “был введён в состав территориально-административного деления Челябинской области”. Выяснилось, что на нём производится самое мощное в мире ядерное оружие.

* * *

Первым “изделием” завода было не что иное, как первая серийная советская авиационная атомная бомба РДС-4, в целях секретности получившая ласковое имя “Татьяна”. Это та самая “кузькина мать”, которой грозил Америке, колота туплей по трибуне ООН, Никита Хрущёв. Факт изготовления первой бомбы в Трёхгорном для многих был откровением: считалось, что всё наше ядерное оружие делалось и делается в Арзамасе-16. Первоначально так и было, там были изготовлены несколько атомных бомб, известных под аббревиатурой РДС-1. (Кстати, первая водородная пряталась под аббревиатурой РДС-6.) Но взрыв железнодорожного состава с тротилом на железнодорожной станции Арзамас, совершивший огромные разрушения, заставил задуматься: в случае атомного взрыва в результате аварии или диверсии взрывная волна докатится, всё сметая на своём пути, в одну сторону – до Москвы и даже перемахнет её, а в другую – до Урала. Это во-первых. А во-вторых – не исключена возможность ядерной или иной бомбардировки Арзамаса-16, потому и стали искать место для нового завода, которое отвечало бы сразу нескольким требованиям: чтобы было удалено от границ, от самых жизненно важных центров страны, но в то же время в относительной близости от крупных железнодорожных и автомобильных магистралей. В целях сверхсекретности, чтобы никто даже не подозревал о существовании завода-дублёра, который со временем станет основным, он должен быть спрятан подальше от посторонних глаз в глухой тайге, и не просто в тайге, а в глубокой горной котловине, чтобы в случае аварии взрывная волна, ударившись в окружающие горы, ушла бы вверх.

В результате было выбрано место в тайге недалеко от старинного южноуральского горнозаводского города Юрюзани. И несколько раз менявший своё имя заводской посёлок, а затем и город, в конце концов, получил нынешнее название: Трёхгорный. В выборе места для того времени, может, самого главного для страны завода, не исключено, сыграл свою роль тот факт, что будущий член Политбюро ЦК КПСС, а тогда министр химической промышленности СССР и заместитель Председателя Совета Министров СССР, один из руководителей Атомного проекта М. Г. Первухин был уроженцем деревни Первухи под городом Юрюзанью. Куратором Атомного проекта был назначен Л. П. Берия. В музее Приборостроительного завода в Трёхгорном его портрет висит на видном месте, на стенде, посвящённом истории создания ядерного оружия. **Учёные-ядерщики до сих пор убеждены, что не было бы Лаврентия Берии, не было бы и ввремя созданной, пусть жестокими метода-**

ми, атомной бомбы, и, может быть, не было бы Советского Союза, а значит, и нынешней России. Первоначально куратором Атомного проекта был назначен Молотов. Но дело шло ни шатко ни валко, когда время, отпущенное историей, измерялось чуть ли не днями. И. В. Курчатов пошёл к Сталину и сказал, что к назначенному сроку мы не создадим атомную бомбу, а может, и никогда не создадим, потому как к тому времени нас уже уничтожат, тут нужен не талант дипломата. Сталин спросил: “Кто, по Вашему мнению, может возглавить это дело?” — “Только Лаврентий Павлович Берия с его талантом организатора и управленца”. В подтверждение приведу отрывок из воспоминаний М. Г. Первухина: “Первоначально общее руководство урановой проблемой осуществлял Молотов. Стиль его работы не удовлетворял Курчатова. И он этого не скрывал. С переходом Атомного проекта в руки Берии ситуация кардинально изменилась. В течение 8 лет, до 1953 года, практически до его ареста, он отвечал за всю работу по Атомному проекту, придав ей необходимый размах и динамизм. Бесспорно, если бы во главе стоял Молотов, то трудно было бы рассчитывать на успех”.

* * *

Но был ещё один человек, который сыграл в истории создания ядерного оружия России огромную роль, но который в силу сразу нескольких обстоятельств, в том числе личных, остался в тени, если не сказать, что практически забыт. Его помнят, кроме узкого круга людей, причастных к созданию отечественного ядерного оружия, может, только в Трёхгорном, а этих людей всё меньше и меньше. Этот человек до организации Атомного проекта перемещался по стране с одного оборонного завода на другой, точнее, его перемещали, как по шахматной доске, бросая наводить порядок на существующих предприятиях и в кратчайшие сроки строить новые, самые важные для страны, из категории “быть стране или не быть”. Его характер, одинаково жёсткий и независимый как с подчинёнными, так и с вышестоящим начальством, наверное, не раз ставил его на опасную грань, в том числе по тем временам на расстрельную, что случилось на этих заводах не раз с его предшественниками, но, видимо, в стране не было другого человека, который мог бы заменить его, и ему прощалось то, что не прощалось никому другому. На ум приходят фамилии только двух людей, кто мог быть его ангелом-хранителем, — это Борис Львович Ванников и, может быть, Лаврентий Павлович Берия. Я не решаюсь назвать фамилию третьего — Иосифа Виссарионовича Сталина. Но кто-то ниже его рангом не мог простить ему независимого характера и, может, даже его организаторского таланта, и потому самые высокие награды за его великие жестокие победы упорно обходили его стороной — их получали другие.

Имя этого человека — Константин Арсеньевич Володин. Но называя это имя, нельзя хоть кратко не рассказать о его, скорее всего, главном ангеле хранителе — Борисе Львовиче Ванникове, начальнике Первого Главного Управления при Совете Министров СССР и заместителе руководителя Спецкомитета № 1 при Совете Министров СССР, занимавшегося проблемой создания ядерного оружия. В бытность К. А. Володина директором Приборостроительного завода в будущем Трёхгорном Б. Л. Ванников был заместителем министра среднего машиностроения, в которое было реорганизованы Первое Главное Управление и Спецкомитет № 1. Будучи с января 1939 года народным комиссаром вооружений СССР, 7 июня 1941 года он был арестован, и на его место был назначен директор Ленинградского завода “Большевик” Д. Ф. Устинов.

Когда я в 80-е годы прошлого века был руководителем экспедиции по поискам пропавшего в августе 1937 года при перелёте из СССР в США через Северный полюс самолёта С. А. Леваневского, я не раз встречался с Б. Е. Чертоком, конструктором-ракетчиком, одним из соратников С. П. Королёва, будущим академиком РАН, который в своё время был ответственным инженером по электрооборудованию самолёта Н-209 С. А. Леваневского. Однажды он мне рассказал необыкновенную, больше похожую на легенду и в то же время очень обыкновенную для того времени историю освобождения Б. Л. Ванникова из тюрьмы. Уже через месяц после начала войны начались перебои с поставками на фронт боеприпасов. Сталин у Берии поинтересовался судьбой Ванникова, оказалось, что он содержался на Лубянке. Сталин приказал немедленно доста-

вить Ванникова в Кремль. Того срочно привели в приличный вид и доставили к вождю. Сталин просил “обиды за случившееся не держать” и предложил ему пост министра вооружений. В результате войска уже через несколько месяцев и на всём протяжении войны не испытывали недостатка в боеприпасах. Уже в июне 1942 года выпуск боеприпасов вдвое вырос по сравнению с 1941 годом, а в 1943-м – втрое. И когда встал вопрос о создании ядерного оружия, ни у кого из специалистов не было сомнения, что во главе этого проекта должен встать Б. Л. Ванников. Он закончил свой земной путь трижды Героем Социалистического труда, лауреатом двух Сталинских премий, кавалером шести орденов Ленина, орденов Суворова и Кутузова, причём два последних присваивались только полководцам за успешные фронтовые операции.

Подбирая надёжных и талантливых сотрудников, Ванников поставил во главе ключевого предприятия отрасли К. А. Володина. О Константине Арсеньевиче я совершенно ничего не знал, кроме того, что он был первым директором Приборостроительного завода в Трёхгорном и что его имя носит одна из улиц города. Но познакомившись, хотя бы вкратце, с историей завода, с историей создания в кратчайший срок ядерного щита России, я понял, что не имею права умолчать об этом человеке. Более того, я посчитал своим долгом хотя бы коротко рассказать о нём, потому что его имя в силу не столько прежней секретности (рассекречены сейчас практически все имена людей, так или иначе связанных с Атомным проектом), сколько в силу случайных и неслучайных обстоятельств, в том числе и его характера, оказалось забытым. Пишут и говорят об академиках Курчатове, Харитоне, Янгеле, многих других, так или иначе связанных с созданием ядерного оружия, о причастности к этой проблеме гениального русского учёного академика Вернадского, о советских легендарных разведчиках, добывших американские атомные секреты, а **имя Константина Арсеньевича Володина, строителя заводов и организатора ядерно-оружейного производства нигде и никем даже не упоминается, кроме как в специальной литературе. Ничего нет о нём даже в книге писателя Владимира Губарева “Атомная бомба”, а Константин Арсеньевич Володин сыграл в создании ядерного щита России, бесспорно, огромную роль.**

Когда встал вопрос о строительстве в самый кратчайший срок – ибо уже завтра может быть поздно! – завода по производству первой атомной бомбы в специально закрытом для этого городе, который получил название Арзамас-16, наверное, не случайно выбор пал именно на него, а вопрос решался на самом высоком уровне. Как не случайно и то, что выбор пал снова на него, когда встал вопрос о строительстве в столь же кратчайший срок завод-дублёра серийного выпуска ядерного оружия на Урале. Фигура Константина Арсеньевича Володина поистине трагична. Он относился к типу людей сталинской заправки, положивших жизнь без остатка служению Родине и всю жизнь проживших на острие бритвы. Ошибись он в чём-то, не выполни в намеченный фантастический срок задание, Володин мог стать одним из тысяч заключённых, которых он видел на строительстве завода в Трёхгорном. Не потому ли жёсткий и порой даже жестокий в своих решениях, он во многих случаях помогал заключённым, особенно отбывающим срок по 58-й статье, насколько это было в его силах. За его спиной, кроме всего прочего, постоянно незримо стояли два расстрелянных один за другим директора Подольского патронного завода, после которых он принял завод.

Родился Константин Арсеньевич Володин 27 мая 1901 года в деревне Ено-таевка в Астраханской губернии, в рабочей семье. С семи лет батрачил у рыботорговца. Отрочество прошло на рыбных промыслах грузчиком, матросом. Грамоту осваивал, как позже писал он в автобиографии, между палубой и берегом. В 1919 году был призван в Красную армию. И всю оставшуюся жизнь или служил в армии, или работал на армию. В 1930 году, в 29 лет, поступил в Ленинградскую военно-техническую академию на артиллерийский факультет. Мог ли он тогда предполагать, что это позже станет главным делом его жизни? В 1934-м он заканчивает академию, получает специальность “военный инженер” и направляется в г. Луганск (Ворошиловград) старшим военным представителем Главного артиллерийского управления РККА на завод № 60. На этом заводе он проработал 2,5 года и в августе 1937-го был назначен начальником планово-производственного отдела 12-го Управления наркомата обороны СССР.

Но уже в июле 1938 года он направляется главным инженером патронного завода № 17 в Подольске, где незадолго до этого один за другим за невыполнение плана были расстреляны два его директора. Видимо, ему быстро удалось наладить производство, потому как уже через полтора года он был награждён первым орденом – орденом Красной Звезды “за достижения в области промышленности” и в 1940 году назначается директором завода. Завод поставлен на крыло, и в июне 1941 года, за несколько дней до начала войны он переведён директором на переживающий трудности завод № 46 в подмосковном Кунцево, и 20 октября, в самое тяжелое время, когда враг стоял в пригородах Москвы, вместе с заводом эвакуируется в Свердловск. Поставив завод на ноги, он перебрасывается директором завода № 621 в г. Кокчетав в Казахстане, потом на завод № 3 в Ульяновске. Он кочует с завода на завод, где было нужно ускорить или начать новое производство. Вспомните приведённые выше цифры: с июня 1941 по июнь 1942-го производство боеприпасов в стране увеличилось в 2 раза, а на июнь 1943 года – в три раза, и что за всё время войны, начиная с сентября 1941-го, войска не испытывали нехватки боеприпасов. Это нарком вооружений Б. Л. Ванников, зная талант Володина как организатора производства, словно по шахматной доске, передвигал его по стране. За обеспечение фронта боеприпасами К. А. Володин награждается орденами Трудового Красного Знамени (1942), Красного Знамени (1944), Ленина (1945). И переводится ещё раз, снова в Кунцево, на сей раз – главным инженером в “ОКБМ-444”. В апреле 1945-го, когда ещё не закончилась война, он командировается в Польшу, Чехословакию и Германию, – по официальной версии, “для оценки и вывоза особо ценного промышленного оборудования с немецких военных заводов в качестве компенсации военных потерь”.

17 декабря 1948 года он прикомандировывается к только что созданному Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР, целью которого было **решение сверхсекретной урановой проблемы, то есть срочное создание ядерного оружия, которое уже имелось у Соединённых Штатов и было опробовано в Хиросиме и Нагасаки и которое, как дамклов меч, висело над Советским Союзом.**

Уже в 1945 году, не успела закончиться Вторая мировая война и солдаты-победители союзных армий, ни о чём не подозревая, ещё продолжали брататься на линиях разграничения зон влияния в поверженной Германии, как комитет начальников штабов США уже рекомендовал не просто ускорить атомные исследования и производство атомных бомб, а настаивал на желательности нанесения атомных ударов по Советскому Союзу. **Сравнительно недавно стало известно, что настоятельно просил нанести ядерный удар по Советскому Союзу один из самых коварных врагов России – премьер-министр Англии Уинстон Черчилль. Для атомной бомбардировки были намечены 20 советских городов. И уже в ноябре 1945 года не без его давления США приняли на вооружение доктрину “первого удара” против СССР. В директиве Совета национальной безопасности, утверждённой президентом США 23 ноября 1947 года, были окончательно определены цели атомной войны. В течение 30 дней должно было быть сброшено 133 атомных бомбы уже не на 20, а на 77 городов СССР, в том числе на Москву – 7 бомб...**

Перед нашими учёными и производственниками была поставлена практически невыполнимая задача: в обескровленной стране с разрушенной войной промышленностью создать ядерное оружие в кратчайшие сроки. И эта задача была выполнена: 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне была испытана атомная бомба.

Но, во-первых, она была ещё неподъёмной. А во-вторых, была произведена в условиях конструкторского бюро (КБ-11), научным руководителем которого был Ю. Б. Харитон. Срочно нужен был завод для серийного производства ядерного оружия. И срочно был нужен человек, который в состоянии выполнить эту по всем меркам почти невыполнимую задачу, потому как на строительство завода и ввод его в действие отводилось всего два года! Вторым человеком после Л. П. Берии в Атомном проекте, начальник Первого Главного Управления при Совете Министров СССР Б. Л. Ванников на вопрос Л. П. Берия, есть ли у него на примере такой человек, уверенно отвечает: инженер-подполковник Володин. Вопрос об альтернативной кандидатуре

даже не вставал. И 1 декабря 1949 года К. А. Володин назначается директором завода № 3 в г. Арзамас-16 по выпуску первых серийных ядерных боеприпасов. Вот как описывает строительство завода и выпуск первых атомных бомб один из следующих после К. А. Володина директоров завода № 3 М. Г. Григорьев:

“Работать приходилось в невероятно сложных условиях, с колоссальным напряжением ума и сил, не зная ни сна, ни покоя, не уходя с производства по 10–12 часов в сутки. Не хватало квалифицированных кадров, много было нерешённых технических и организационных вопросов, не было жилья для работников. Нельзя забыть ту беззаветную преданность делу, которую проявили рабочие и технические руководители в годы строительства и пуска предприятия. Именно в этот период коллектив решал наиболее трудные задачи по созданию и освоению серийных технологических процессов, подобных которым не было в отечественной промышленности. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников сохранил память в своих сердцах о первых директорах: Володине Константине Арсеньевиче, Бессарабенко Алексее Константиновиче, Дубицком Валентине Викентьевиче...” А генеральный конструктор первого “изделия” (атомная бомба РДС-1) Юлий Харитон спустя 40 лет напишет: **“Только очень сильный духом народ после невероятно тяжёлых испытаний мог сделать совершенно из ряда выходящее. Полугодовалая страна за считанные годы разработала и внедрила новейшие технологии, наладила производство урана, сверхчистого плутония, тяжёлой воды”**.

Завод еще достраивался, когда в декабре 1951 года была выпущена первая серийная атомная авиационная бомба. За успешное строительство завода и ввод его в действие К. А. Володин накануне его 50-летия, 17 мая 1951 года был награждён... всего лишь орденом Красного Знамени, а 22 июня ему было присвоено очередное воинское звание: инженер-полковник.

Очередное сверхтяжёлое и сверхответственное задание правительства было выполнено, чрезвычайное напряжение последних двух лет вроде бы спало, казалось, можно было немного расслабиться и постепенно спокойно достраивать завод, но он уже знал, что его ждёт новое, столь же сверхответственное назначение со сверхсекретными и сверхсрочными задачами. В Арзамасе-16 завод достроят без него. 26 января 1952 года он снова переводится в Москву в распоряжение начальника Первого Главного Управления Б. Л. Ванникова. 24 января Совет Министров СССР под грифом “совершенно секретно” принимает постановление “О строительстве завода № 933”. Завод-дублёр должен был подстраховать производство в Арзамасе.

Совершенно естественно, что строить новый сверхважный для страны и сверхсрочный завод поручается К. А. Володину. Но не всё в этом назначении просто. Как я уже писал, в мае 1951 года за освоение производства первых серийных атомных бомб К. А. Володин награждён орденом Трудового Красного Знамени, но дело в том, что все другие, даже менее причастные к этому делу, получили более высокие награды. Сослуживцы К. А. Володина objectively отмечают это тем, что перед этим окончательно испортились отношения между ним и его непосредственным руководителем по строительству завода в Арзамасе, заместителем начальника КБ-11, капитаном 1 ранга В. И. Алфёровым, которые и до того были напряжёнными. В целом ряде книг, посвящённых первым создателям ядерного оружия, о В. И. Алфёрове помещены самые высокие отзывы как об организаторе производства ядерных боеприпасов, в одной из статей он даже называется директором завода № 3, но в то же время есть свидетельства, что люди, причастные к Атомному проекту, его побаивались, не столько как строго начальника, сколько за грубость и невежливость, высокомерность по отношению к подчинённым. Скорее всего, по принципу “разделяй и властвуй” он был поставлен Берией, скорее, не руководить, а надзирать, как противовес Б. Л. Ванникову, которого ему в своё время по приказу Сталина пришлось выпустить из тюрьмы.

В “Воспоминаниях” бывшего начальника военной приёмки завода в Трёхгорном Л. Г. Николай можно прочесть, что после так называемого разоблачения культа личности Сталина В. И. Алфёров публично каялся на партийном собрании в Главке в своей излишней жестокости и бестактности к своим подчинённым. Но побаивались его больше даже не за это. Всего лишь один факт. В период объявленной борьбы с “космополитами” он “вовремя”, когда стали сгущаться тучи над выдающимся советским флотоводцем, легендарным Глав-

комом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, подал наверх рапорт, похожий на донос, что Главком ВМФ преклоняется перед иностранцами, и в качестве доказательства привёл случай с парашютной торпедой, чертежи которой тот якобы передал англичанам, что пахло расстрельной статьёй. Чертежи на самом деле были переданы, но не по единоличному решению Н. Г. Кузнецова, а по решению правительства как союзникам по антигитлеровской коалиции, до начала холодной войны. Об этом случае можно прочесть в книге воспоминаний Н. Г. Кузнецова “Крутые виражи”, где он полупрезрительно называет В. И. Алфёрова “неким Алфёровым”.

К. А. Володин не терпел никакой бестактности, не мог он терпеть и бестактности опекающего его руководителя. Что называется, нашла коса на камень. И назначение его на Урал могло быть в какой-то степени и опалой. Конечно, это, безусловно, ответственнейшее задание, выполнить которое мог только он, К. А. Володин, и в то же время, возможно, Б. Л. Ванников таким образом помогает ему уйти в уральскую тайгу от бестактного грубого прямого контроля В. И. Алфёрова. Но в это время В. И. Алфёров назначается начальником Главка, и К. А. Володин снова становится его подчинённым... От “опеки” Алфёрова он не мог избавиться и там, в уральской тайге. В результате 23 февраля 1952 года приказом по Первому главному управлению К. А. Володин был официально назначен всего лишь замдиректора по общим вопросам союзного завода № 933. Так, в униженной должности замдиректора по общим вопросам, он проработал более трёх лет – в самое трудное для завода время. Б. Л. Ванников после смерти И. В. Сталина был понижен в должности и не мог уже быть реальным защитником К. А. Володина.

Впервые Константин Арсеньевич Володин появился на месте будущего г. Трёхгорного летом 1951 года, когда ещё был директором завода в Арзамасе-16. Сначала он с Б. Л. Ванниковым, заместителем председателя Совета министров СССР М. Г. Первухиным и И. В. Курчатовым совершил облёт Южного Урала на самолёте, потом в составе группы с представителями военно-промышленной комиссии ЦК КПСС, КГБ почти месяц объезжал на вездеходах в сопровождении местных властей район от Миасса в Челябинской области до села Месягутово в Башкирии в поисках места для будущего завода и города.

Среди множества других остановились на трёх вариантах, среди которых нужно было выбрать один. Каждый из трёх вариантов имел свои достоинства и недостатки, свои плюсы и минусы. Один вариант был неудобен тем, что требовал прокладки железной дороги большой протяжённости. Это затянуло бы срок ввода завода в строй. Другой вариант вызывал опасение нехватки промышленной и питьевой воды в засушливые годы. Третий вариант, хотя и имел естественную природную защиту от посторонних глаз и был достаточно удалён от крупных промышленных центров, не располагал даже в какой-то мере сносными проезжими дорогами. К тому же в этой местности выпадало рекордное количество осадков, местные жители называли её “гнилым углом” Южного Урала. Но с другой стороны, этот недостаток оборачивался для того времени немаловажным достоинством. Почти постоянная облачность закрывала объект от американских самолётов-разведчиков, летающих над Советским Союзом на недоступной для тогдашних перехватчиков и ракет высоте. Это обстоятельство, возможно, и стало решающим. Хотя в это время американские и советские учёные уже работали над созданием космических кораблей, спутников Земли, и недалёк был тот день, когда с космических аппаратов можно будет сфотографировать любой, даже мелкий предмет, находящийся на земле. Немаловажную роль в выборе места, наверное, сыграли первозданность природы, красота и чистота реки Юрюзани, а самым главным доводом было, наверное, то, что только этот вариант соответствовал главному требованию Л. П. Берии: как можно глубже запрятать объект в Уральские горы. По этой причине уходил на второй план очень важный аргумент против: **в силу особых географических, климатических и, может, даже геологических условий этот район характеризовался самой низкой продолжительностью жизни в регионе.**

23 февраля 1952 года К. А. Володин официально назначается – то ли в силу секретности, то ли в силу интриг стоящего непосредственно над ним недоброжелателя – заместителем директора нового завода по общим вопросам. 12 марта был подписан указ, что он приступил к исполнению служебных обязанностей, в Москве, а 7 мая – уже на месте. Неказистый обшарпанный

письменный стол из ДСП, который он выпросил в Василовке в одной из контор и на котором он написал приказ № 1: “С сего числа приступил к исполнению своих обязанностей на месте”, — ныне как бесценная реликвия хранится в заводском музее. Первое время Константин Арсеньевич жил на квартире в соседнем городе Юрюзани.

С этого момента началось строительство таинственного объекта “Хозяйство Володина”, привлекшего внимание целого ряда разведок мира, прежде всего, ЦРУ США. Если отечественные СМИ по понятным причинам глухо молчали об этой стройке, то забугорные голоса вели своеобразную хронику строительства. Темпы строительства завода в будущем Трёхгорном были не менее фантастическими, чем в Арзамасе-16, если не более, учитывая бездорожье, суровый, резко континентальный климат, когда температура за сутки могла измениться в ту или другую сторону на 30 градусов, а зимой доходить до сорока-сорока пяти градусов мороза, притом что все работы, особенно первые годы, как говорится, велись на свежем воздухе. 9 апреля 1952 года в 10 часов 15 минут на железнодорожную станцию Красная Горка, в глухую уральскую тайгу прибыл первый эшелон (35 теплушек, в которых предполагалось первоначально жить) военных строителей в количестве 750 человек, на которых ложился основной груз будущей гигантской стройки, с ними два трактора, 10 автомашин, 10 лошадей... В середине состава был единственный пассажирский вагон. Из него вышли капитан Глеб Григорьевич Амосов, подполковник Черноморченко (имя отчество установить не удалось) и некто в гражданском — В. А. Шамапов. Начались хлопоты по подготовке материалов для строительства барачных для заключённых, которые с интервалом в 2-3 дня стали прибывать на станцию. Первым организовали лагерь особого режима у каменного карьера, затем появились другие лагеря в тех районах, где сейчас расположена автобаза городского автохозяйства, очистные сооружения, теплица и объект Дальний.

Да, как и все подобные объекты в Советском Союзе, завод и будущий город строили, по крайней мере, валили лес, рыли котлованы под производственные корпуса, в том числе в сорокаградусные морозы, закладывали фундаменты и возводили стены заключённые, причём (в целях той же секретности) со сроками заключения не менее 15 лет, преимущественно же с максимальным тогда сроком в 25 лет.

Даже я застал эти тюремные этапы с решётками и колючей проволокой на окнах железнодорожных вагонов. Уже будучи уфимским студентом, приезжая в каникулы или на выходные к родителям, переселившимся в город Юрюзань, на станции Вязовой я не раз бывал свидетелем жутковатой разгрузки этих вагонов. У прижатой к горам рекой Юрюзань железнодорожной станции не было места для тупиков, и эшелоны с заключёнными разгружали прямо с первого пассажирского пути, оцепив привокзальную площадь вооружёнными автоматами солдатами с рвущимися с поводков собаками. Зрелище это было не из лёгких даже по тому времени... Скольким человеческим трагедиям были немymi свидетелями будущие завод и город! Людей не жалели, ни заключённых, ни вольных.

Но чтобы не стать озлобленно-жестокими к тому времени, нужно помнить, что поджимали сроки, поскольку **президентом США Эйзенхауэром была подписана директива: в случае любого конфликта с СССР применять ядерное оружие.** Нужно было во что бы ни стало успеть догнать Америку в обладании ядерным оружием.

В 1952 году в штате завода, существовавшего только на бумаге, числился 31 человек, и только один из них, К. А. Володин, старший по должности и по возрасту, знал, что будет производить завод. Уже к концу года были построены первые бараки на будущей ул. Строителей, клуб, магазин. Первая зима была особенно холодной. Строили при полном отсутствии воды в зоне. Заключённые — народ смекалистый, предложили в бадьях для приготовления цементного раствора топить снег. Землю под фундаменты домов и под котлованы будущих цехов отогревали кострами, а на ночь талую землю засыпали сухим грунтом. Наконец, 1 января 1953 года К. А. Володин был официально назначен... опять-таки всего лишь и. о. директора завода. Штат завода в этом году увеличился ещё на 35 человек. 4 марта был принят от строителей первый дом из бруса, на первом этаже которого разместилось заводоуправление, на втором — мужское общежитие; к этому времени уже работали баня,

парикмахерская. Началась закладка промышленных зданий и первых кирпичных жилых домов.

Курировал строительство завода сам Лаврентий Павлович Берия. В феврале 1953 года он приехал с большой свитой. Три вагона были поставлены на Красной Горке под особой охраной в тупике на перевалочной базе. Из воспоминаний А. Г. Когана, в то время инженера УКСа: “Это было время, когда были построены первые бараки, в которых разместилось управление строительством и “Хозяйство Володина”. Из любопытства мы ходили смотреть на бериевские вагоны, но близко к ним не подпускали. Со слов очевидцев, один вагон был для работы, второй – рестораном, а третий – спальный. Я лично Берию не видел, а его окружение – трёх генералов – видел, даже рядом стоял около управления строительства. У них была особая униформа: белые приталенные полушубки, папахи, на ногах – белые фетровые бурки. Все холёные, высокомерные. Фамилий их сейчас не помню, но в сводках расстрелянных по делу Берии один из этих генералов был. Сам Берия в поле нашего зрения не показывался. Ходили слухи, что он занемог и сведения об обстановке на строительстве получал через донесения...”

1952–1955 годы, от первого колышка на месте будущего завода до первой атомной бомбы, – начало начал Трёхгорного. Самый сложный и напряжённый период в истории завода и его коллектива. Прибивают всё новые и новые люди, отдел кадров перегружен – не успевает оформлять. В 1955 году было принято рекордное число работников за всю историю завода – 1097 человек. В 1954–1955 годах на строительстве работало уже 7,5 тысячи военных строителей, 2 тысячи вольнонаёмных и 12 тысяч заключённых, которые по утрам огромными серыми колоннами под усиленной охраной с собаками тянулись на место работы, а по вечерам – обратно в свои лагеря.

В Трёхгорном нет памятника создателям ядерного щита России, а я и безымянным заключённым, в невероятных условиях строившим завод, поставил бы памятник. Виноватые и безвинные, растратчики государственных средств и убийцы, они по-своему искупили свою вину перед Родиной, поскольку велика их роль в создании ядерного щита России. Хотя памятником им стал сам завод, только теперь не все об этом знают: стёрты с лица земли их лагеря, пулемётные вышки и бараки, стёрты с лица земли их могилы...

Я обращаюсь к воспоминаниям Юрия Васильевича Беляева, относящимся к первым месяцам строительства завода:

“На месте будущих цехов слева и справа от нынешнего центрального проезда были забиты колышки. И только на левой стороне, с дальнего от проходной края, начиналось рытьё котлованов под 106 и 109 здания. Весь этот участок был обтянут колючей проволокой с вышками по углам. А в зоне работали заключённые с солидными сроками отсидок. Правда, у них была льгота. Стимул для производительного труда. При выполнении нормы выработки на 115 процентов и выше им один день засчитывался за три. Механизации никакой: кирка и лопата. Ломами долбили котлован. Раствор месили вручную, кирпичи затаскивали на этажи на носилках. А так как заключённых было много, то строили очень быстро...”

Условия работы и быта заключённых были суровыми, если не сказать жестокими. Один из ветеранов Трёхгорного в книге о Приборостроительном заводе пишет:

“В 1953 году в лагере была забастовка заключённых. Лагерное руководство было взято в заложники. Начальник лагеря Журавлёв содержался в камере на тех же условиях, что и он содержал там провинившихся заключённых. Заключённые удерживали свою власть в лагере 17 дней. Порядок поддерживали самостоятельно. Из Москвы приезжала специальная правительственная комиссия для расследования. Была стрельба с обеих сторон, но для устрашения. На определённых условиях заключённые сдались военным. После этого случая лагерное руководство была заменено, а часть заключённых пошла по этапу с добавленным сроком...”

Но другой ветеран завода, когда я спросил его об этом случае, первоначально сказал, что ничего не знает о нём, не слышал, когда же я прочитал ему выше процитированный отрывок из воспоминаний, усмехнулся: “Ну, в книге смягчили. Когда стреляют с обеих сторон – это забастовка? Это всегда называлось иначе: восстание. И закончилось оно не так идиллически. Это, видимо, редакторы или партийные надсмотрщики над книгой подлакировали.

Комиссия приехала. Для переговоров пригласили зачинщиков бунта на лагерную площадь, а когда собрались, был дан приказ пулемётчикам на вышках. Стреляли перекрёстным огнём не для устрашения, а на поражение. . . А оставшиеся в живых из руководства восстанием действительно пошли по этапу с добавленным сроком, потому как расстрел после войны как высшая мера наказания был отменён. Трупы сбросили в ложбину и землю над ними сравняли бульдозером. Пока я не вышел на пенсию, я каждый день ездил мимо этой братской могилы. Если присмотреться, она до сих пор заметна. А одно из главных требований восставших было, чтобы охранные части МВД, которые зверствовали над заключёнными, заменили частями Советской армии”.

Жестокое было время. Судьбы складывались самые разные. Из воспоминаний одного инженера: “Как правило, “порядочные” заключённые (не уголовники) за несколько месяцев до освобождения расконвоировались, то есть ходили уже без охраны с правом выхода из рабочей зоны. В числе первых был расконвоирован Иван Миронович Кнышев, человек со светлой головой и золотыми руками. Он монтировал котельное оборудование в здании № 401 и мог решить любой инженерный вопрос, связанный с транспортировкой и подъёмом многотонных металлических конструкций на любую высоту при использовании простых подручных средств без специального подъёмно-транспортного оборудования. Его все уважали и очень сожалели, что придётся с ним расставаться после окончания срока. Очень уж толковый был работник. Срок его кончился, и он уехал из города. И вдруг через месяц возвращается. Оказалось, что жена не дождалась его и вышла замуж. Таким образом, он остался и без семьи, и без квартиры, а родственников у него не было. Много хлопот у нас было, чтобы разрешить ему вновь заехать в город. Месяца два он жил в Васильевке, а работал на наших объектах за городом. А потом с помощью Володиной, а он знал Кнышева очень хорошо, ему дали разрешение на въезд в город и дали должность прораба на четвёртом участке. Я с ним постоянно виделся, и у меня сложилось впечатление, что без его услуг как инженера мы просто не могли бы обойтись. Разлад с женой он очень сильно переживал, стал частенько выпивать. Потом женился, и жизнь у него наладилась. . .

Когда мы стали молодожёнами, пришлось обзаводиться мебелью. В хозяйственных магазинах Юрюзани было пусто, и в нашем тоже. Выручали заключённые, с которыми мы общались на стройке. Они болезненно переживали разрыв с семьями. И к нам, вольнонаёмным, относились доброжелательно, может быть, потому, что мы тоже были за колючей проволокой. Меня, например, именовали по отчеству. Узнали они как-то о том, что я собираюсь жениться. Нетрудно было понять, что обзаводиться нам нечем, и вот они без всякой просьбы моей сколотили кухонный стол и стол для гостиной – круглый, на трёх ножках. Сделано было всё добротное, а брать что-либо от заключённых по инструкции было запрещено. Они это знали. И каково было мое удивление, когда я однажды вернулся домой (жильё дали в брусчатом доме по ул. Островского) и обнаружил кухонный и круглый столы и табуретки. Кто привёз, как открыли квартиру, до сих пор не знаю, но сделали это, конечно, расконвоированные заключённые. На столе стояла банка с цветами и лист бумаги с поздравлением по случаю свадьбы. Кто-то настучал Володину, что заключённые сделали мне подарок к свадьбе. Он меня пробрал как следует и потребовал: “Верните всё заключённым, это грубое нарушение режима”. Но я в его голосе не почувствовал настойчивого требования, и я этого не сделал. Но всё это было позже, по ослаблению режима. . .”

Основная масса трудящихся, живя в атмосфере закрытого объекта, чувствовала, что строится что-то сверхважное, и была готова на лишения. Терпеливо переносила все тяготы и неудобства предпускового периода. На завод, без преувеличения сказать, работала вся страна. Оснастка изготовлялась в Москве, Ленинграде, Сестрорецке, Витебске, Киеве. . . всего на 29 заводах страны, и никто ни разу не сорвал графика. Но что поразительно: в самом начале параллельно с крайне необходимой баней строили клуб. Ещё не было жилья, ютились скученно в бараках, но уже работала музыкальная школа. Строили в нарушение запретов, думали о детях, о будущем.

Вспоминает М. И. Глушман, в то время бригадир комплексной бригады одного из цехов: “Были бессонные ночи, по целым неделям порой не выходили из цеха, спали по два часа в сутки. А ведь не война. Но как на войне. Люди до того уставали, что засыпали где придётся, и, чтобы разбудить их, приходилось

прибегать к пожарному шлангу. От такой работы ноги отекали, не влезали в обувь, приходилось вместо обуви привязывать к подошвам войлочные стельки и обматывать ноги портянками, и в такой “модной” обуви трудиться. Всё это хорошо помнят ветераны цеха. Начальнику цеха Г. И. Тихонову, чтобы быть в норме, приходилось по несколько раз в ночь принимать холодный душ”.

Вспоминает Виктор Тихонович Малыхин, в будущем замдиректора по производству, почётный гражданин города:

“Мы понимали, что попали работать на какой-то очень важный государственный объект. Немногие кое о чём догадывались, но о том, что конкретно будем выпускать на этом заводе, никто не знал и не догадывался. Пока в августе 1954 года на объект не приехал замминистра среднего машиностроения Б. Л. Ванников. Нас, заводчан, связанных с изготовлением продукции, на тот момент было немного, человек 10–12. Собрались мы в кабинете Володина на первом этаже брусчатого дома. Ванников впервые нам открыто сказал: “Партия и правительство поручили вам изготавливать атомные и водородные бомбы. В 1955 году мы должны во что бы то ни стало пустить завод и изготовить первые бомбы”. Честно говоря, мы были ошеломлены этим известием. Чего-чего, но этого мы никак не ожидали. На следующий день нас всех вызвал к себе, как мы считали, представитель Совета Министров СССР на объекте по режиму, полковник А. Д. Рязанцев и сказал: “Замминистра может себе позволить сказать что угодно, но если вы кому-нибудь расскажете о том, что он сказал, то получите по 25 лет тюрьмы”.

Несмотря на огромный объём работ, который скрыть было нельзя, были приняты беспрецедентные меры секретности, чтобы завод, ещё не начав работать, не был уничтожен, в том числе ядерной бомбардировкой. Это в полной мере удалось осуществить, если мои родственники, живущие в г. Юрюзани, в десятке километров от завода, до момента рассекречивания производства завода и появления города на географических картах не знали, что производится в “почтовом ящике”. На первых порах в целях секретности Министерством государственной безопасности было сделано предписание рабочих набирать не ближе, чем за 50 километров. За пределы Челябинской области были выселены политически неблагонадёжные люди. Специалистов в будущий Трёхгорный набирали со всей страны как уже зарекомендовавших себя на прежнем месте работы, так и лучших выпускников вузов, сузов, профтехучилищ. Как правило, до приезда в Трёхгорный они даже не догадывались, где и в какой роли им придётся работать. Воспоминания первых строителей завода, в которых они рассказывают, как они попадали на сверхсекретный объект, больше похожи на страницы шпионских боевиков: пароли, явочные и конспиративные квартиры...

Вспоминает И. С. Кузьмин, в будущем – заместитель главного технолога завода:

“В 1954 году, за несколько месяцев до защиты дипломного проекта нас, студентов Московского энергетического института, вызвали в комиссию по распределению. Председатель комиссии очень коротко задал несколько вопросов:

– Комсомольцы?

Мы ответили утвердительно.

– Любите ли вы свою Родину?

Мы ответили утвердительно.

– Желаете ли работать на благо Родины там, куда она вас пошлёт?

Мы ответили утвердительно.

После этого с пафосом в голосе он сказал, что нам оказано высокое доверие, и мы направляемся работать в почтовый ящик № 590.

– Возражений нет?

Возражений, разумеется, не было.

– Какие вопросы?

Я осмелился спросить, где находится это предприятие.

Председатель ответил лаконично и многозначительно:

– На территории Советского Союза”.

Вспоминает А. К. Дерюшев, будущий начальник конструкторского бюро:

“Свердловск. 1954 год, закончен Уральский политехнический институт. При распределении получаем аванс в 1000 рублей, справку о назначении в организацию “Москва, п/я № 590”. Получили мы и устную установку (боже

упаси какие-либо записи!), пришлось зазубрить: “В Москве выйти на Казанском вокзале в сторону Комсомольской площади, повернуть налево за угол, миновать булочную, ещё раз повернуть налево, зайти в подъезд перед дощатым забором и там, войдя в телефонную будку, доложить о прибытии, назвав свою фамилию, имя, отчество”.

В Москве нас поселили на Шаболовке, предложили отдохнуть пока, подкинув денег. Многие тогда успели посмотреть в столице. Помню, как полдня простояли в километровой очереди у стадиона “Динамо”, охраняемой конной милицией, на матч “Торпедо” – “Спартак”. Приз лучшего игрока в том матче получил Эдуард Стрельцов.

Через некоторое время нас стали приглашать в управление на Спартаковской улице. Поехали мы туда вдвоём с Мишей Чернышёвым. Там дали установку, которую разрешили записать почему-то только мне: “Купите билеты до Челябинска, но сойти на ст. Кропачёво, найти второй железнодорожный дом и обратиться к Голубевой, представителю санатория Янган-тау”.

На поезд я чуть не опоздал. Разразилась сильнейшая гроза, и трамваи встали. Поезд уже отходил. Собрав последние силы, всё же догоняю. Бросаю вещи в тамбур последнего вагона и, мокрый от пота, цепляюсь за поручни. Между тем Михаил Чернышёв едет, полный тревог. Он же не знает явки, которую доверили только мне. Он уже решает ехать до Челябинска и там обратиться в КГБ. Там должны знать всё. А заодно сообщить о моём исчезновении. А вдруг меня захватила вражеская разведка!.. Хотя что из меня можно выудить, мы ещё ничего не знаем. Только когда подъезжали к Раменскому, я добрался до своего вагона, где нашёл и успокоил Михаила... И вот мы на месте. Получили первое внушение, когда случайно обмолвились, что собираемся написать письма родным и вечером собираемся их бросить в почтовый ящик в г. Юрюзани. Нам было сказано: “Ни в коем случае. Пишите письма и отдайте их Гусеву, он отправит их со ст. Кропачёво”.

Темпы строительства были фантастическими. Уже в 1954 году сдаются первые заводские корпуса, котельная. В цехах устанавливаются станки, оборудование. Рабочий день директора – далеко за полночь. Но всё равно, пусконаладочные работы – первоначально пуска завода был назначен на 4 квартал 1954 года – отставали от графика, напряжение было беспредельным.

В другом случае последовало бы увольнение или даже арест директора, но, видимо, кто-то понимал, что **если не может сделать в установленный срок Володин, это значит, что никто в этот срок сделать не сможет, что была поставлена реально не выполнимая задача**. Наконец, в апреле 1955 года завод введён в эксплуатацию. Володин принимает от строителей производственные помещения. И только после этого приказом № 425 по Министерству среднего машиностроения он утверждается директором завода № 933. 1 августа завод приступает к выполнению государственного оборонного заказа, и к концу августа уже были выпущены две авиационные атомные бомбы РДС-4 с конспиративным ласковым названием “Татьяна”. Кому пришло в голову такое название? К концу года чрезвычайно напряжённый план по всем показателям заводом был выполнен. 1 сентября 1956 года был подписан первый указ о награждении 22 работников завода орденами и медалями, Директора завода в таких случаях награждались не менее, как орденом Ленина. К. А. Володин был награждён скромным (вторыми по счёту) орденом Трудового Красного Знамени.

Константин Арсеньевич Володин, по воспоминаниям заводчан, был с подчинёнными строг и порой даже жесток. Мог в 24 часа выселить из города негодных ему людей. Мог за ночь заселить работниками завода жилой дом, чтобы опередить строителей, претендующих на это жильё. Был крут в наказаниях. Но в то же время мог взять под крыло и спасти от жестокой статьи совершивших оплошность и попавших под бдительное око КГБ своих сотрудников. В стране была нелёгкая продуктовая ситуация, и он, заботясь о своих подопечных, отгороженных от остального мира колючей проволокой, создаёт подсобное хозяйство, потом целый совхоз “Лесной”.

Вспоминает один из ветеранов завода Юрий Николаевич Беляев, в биографии которого 195-й цех, 14-й, 72-й отделы, а что это такое – для непосвящённых по-прежнему за семью замками:

“Человек военный, обязательный, прибывший на объект из мест рождения первой отечественной атомной бомбы, имеющий большой опыт руководителя,

Константин Арсеньевич Володин был исключительно требователен к себе, к подчинённым. Обладал редкой памятью. Сам работал, можно сказать, как вол, и требовал отдачи от других. Как правило, рабочий день директора продолжался до 10 часов и позже. Редчайшее трудолюбие, настойчивость совмещались в нём с аскетическим образом жизни и неуступчивостью характера. Коллектив завода вскоре понял: в характере директора не замечалось ловкого подхода к начальству. Редкий месяц обходился ему без взыскания свыше. Но то, что при Володине завод не занимал призовых мест в соревновании и не получал премий, вовсе не говорило о том, что руководимый им коллектив работал слабо. Очень длительное время Володин был только исполняющим обязанности директора. Ему не прощались самые мелкие недоработки. Поэтому страдал и весь коллектив завода. Зная об отношении к нему высшего начальства, некоторые недоброжелатели на заводе писали на него доносы, и часто на завод, отрывая от дел, приезжали проверяющие комиссии. Например, написал донос в КГБ или в ЦК КПСС комсомольский пропагандист В. П. Васин, что директор ведёт неправильную кадровую политику, набирает неопытную молодёжь, неправильно её воспитывает, не создаёт для неё сносных условий и т. п. Прилетела комиссия, во главе которой – два подполковника КГБ, отрывала от работы. Что касается молодёжи, то это правда сущая, поднимала завод преимущественно молодёжь, собранная со всей страны: самые талантливые выпускники вузов, техникумов, ремесленных училищ”.

И тут вспоминаются слова Владимира Семёновича Комарова, в то время заместителя начальника цеха, опровергающие этот навет: “Смело он сделал ставку на молодых специалистов. Видимо, понимал, что новое в стране производство нужно осваивать не отягощёнными старыми традициями специалистами. Внедрение в производство новейших достижений науки и техники было делом энергичной, пытливой и задорной молодёжи. Особенно придиричиво К. А. Володин подбирал будущих командиров производства. Испытывал в деле. И если уж на ком останавливался, то не жалел времени на выучку. В начале 1960 года, не выдержав огромного напряжения в работе и ответственности, по состоянию здоровья вынужден был оставить должность главного технолога и перейти на другую работу Е. К. Игнатьев. Авторитет директора завода в то время был велик. Горсовет и горисполком мало кто знал. Народный суд не избирался, существовал спецсуд, назначенный директором. Горкома партии тоже не было, был политотдел. Всё, как в армии, или, точнее, в колонии строгого режима. К. В. Володин обладал практически неограниченной властью. Но жесткость в решениях заключалась не столько в его характере, а, прежде всего, в сроках пуска завода, в напряжённой международной обстановке”.

Константин Арсеньевич Володин никому не позволял унижать собственное достоинство. И этим обрёл недоброжелателя не только в лице В. И. Алфёрова. Рассказывают такой случай. Однажды он был вызван на Коллегию наркомата вооружений СССР, которую вёл Д. Ф. Устинов. Тот распекал директоров заводов за разные погрешности. Директора, опустив газа, слушали и молчали. И только Володин поднял голову и высказал наркому своё мнение: “Мы – производственники и приехали сюда за разрешением производственных вопросов, а не слушать два часа ваши нотации. Если кому работа не по плечу, от неё надо отказаться”. Кому? Тем, кого распекали? Или тому, кто распекал? Вопрос повис в напряжённой тишине. Володин встал и без разрешения вышел из кабинета наркома. Говорят, что Устинов не простил ему такого вольнодумства до конца жизни и в то же время ничего не смог с ним сделать, потому что Володин, и Устинов это знал, относился к числу немногих незаменимых.

Уже в следующем, в 1956 году на заводе было освоено производство ядерных боеголовок межконтинентальных баллистических ракет. Казалось бы, самое трудное позади. Но международная обстановка ставила новые задачи. В 1960 году “Татьяну” сняли с производства. В 1964–1965 годах произошло в буквальном смысле революционное изменение конструкций основных узлов изделий. Это привело к необходимости решения нового круга технических и организационных проблем. В конце 1970 года за освоение новых видов спецвооружений завод был награждён орденом Ленина.

А вот несколько строчек из воспоминаний В. Н. Михайлова, будущего академика и министра атомной энергетики страны: “Остаётся только удивляться, как в разрушенной страшной войной стране была создана мощная

атомная промышленность, которая и позволила сохранить мир на планете до нынешнего дня. Даже трудно вообразить, что могло бы случиться, если бы монополия на атомное оружие осталась у Америки. Тень взрывов Хиросимы и Нагасаки лежит на всём человечестве”.

А К. А. Володин по-прежнему жил как бы на военном положении, может быть, ожидая переброски ещё на строительство какого другого завода. У него не было времени даже на семью, он так и не привез её в будущий Трёхгорный: жена продолжала жить в Подольске, лишь временами навещая его. Но он не был сухарём. Лучше всего человека чувствуют дети. Вспоминает А. Г. Коган: “К. А. Володин очень любил нашу Наташу. Когда ходили в кино в клуб “35 лет Октября”, она всегда сидела у него на коленях и считала его своим дедушкой. На улицах при встрече не церемонилась, бросалась к нему, называла дедушкой, чем нас приводила в конфуз. И не только нас, но и окружающих. Но Константин Арсеньевич не смущался, поднимал её на руки, подбрасывал, потом опускал на землю. Я это пишу только затем, чтобы подчеркнуть человечность, любовь к детям со стороны директора”.

Бывало, зайдёт в магазин, лёгкое пальто, нараспашку, даже зимой, пройдёт вдоль витрин и прилавка. Остановит покупателей, поговорит с ними. А потом идёт к начальнику ОРСа. Разносы давал классические, но и снабжение в ту пору было отличным. Многие удивлялись поношенному костюму директора. Но мало кто знал об основной причине его неухоженности: первые пусковые годы Володин жил один.

Фанатически убеждённый в необходимости экономного расходования государственных средств, Володин в этом стремлении иногда впадал в крайности. Вспоминает А. Г. Коган: “В 1959 году многие начальники цехов купили “Волги” ГАЗ-21, и вот А. Д. Пятибратов изготовил в цехе дополнительные хромированные украшения на решётку передней панели личного автомобиля. К. А. Володин узнал об этом и дал задание службам заводу управления подсчитать стоимость работы по изготовлению этих украшений, и приказом по заводу удержал с него всю сумму. Второй случай был аналогичный. Ко дню рождения К. А. Володина А. Д. Пятибратов отлил в литейке бронзового бычка, прохромил его, укрепил на подставке и в день рождения подарил К. А. Володину. К. А. Володин подарок принял, но приказом по заводу приказал удержать с него стоимость изготовления подарка”.

Вспоминает Ю. Н. Беляев: “Но особенно ревностно он берёт государственную копейку. Для изготовления и установки собственной антенны к привезённому из Подольска старенькому телевизору “КВН” нанял бригаду слесарей, работу которой оплатил из собственного кармана. В подобных вопросах он, в пример многим руководителям, был исключительно щепетилен”.

Я уже говорил, что судьба К. А. Володина трагична. Он отдавал себя работе без остатка. Что касается его, выражение “Прежде думай о Родине, а потом о себе” имело для него не символический, а буквальный смысл. Напряжённая работа на оборонных заводах в войну, секретные заграничные командировки, отсутствие отпусков, строительство ядерных заводов, секретность, связанная с ними, привели к тому, что Константин Арсеньевич Володин потерял связь с родными.

Володин не был ни охотником, ни рыбаком, но любил природу и любил изучать близлежащую округу. Единственный выходной он посвящал любимому занятию: он изучал край. Ко всему присматривался. Во всё вникал. Смотрел, кто и как закладывает новые деревянные дома в сёлах, которые проезжал, радовался им...

Он любил скромность и ограничивал себя во всём. По-своему он был несчастный человек. Специфика работы оторвала его от родных. И вот, когда завод в какой-то мере встал на ноги, он впервые за многие годы собрался на родину. Видимо, наверху ему разрешили ненадолго оставить завод.

Как я уже говорил, в целях секретности заводской посёлок, а потом и город несколько раз менял название, и надо сказать, что знаменитый разведывательный полёт Пауэрса над Уралом осуществлялся из-за этого завода, основным его заданием было во что бы то ни стало пролететь в районе этого таинственного объекта. Кстати, Пауэрса могли сбить в районе Трёхгорного, даже на подлёте к нему, но был дан приказ средствам ПВО, как и самому городу, затаиться: ну, бараки и бараки в лесу, если вокруг них нет средств ПВО, значит, ничего важного там нет. И уже

только после Трёхгорного был дан другой приказ: уничтожить во что бы то ни стало.

А режим секретности стал еще жёстче. Вспоминает А. Якимов, слесарь-сборщик:

“Совершил я по молодости ЧП на производстве. Такое, что судьбу мою решал сам директор Володин. А было так. Работал уже бригадиром. У меня был личный сейф, в котором я хранил документы и мелкие секретные детали от узлов “изделия”. Однажды я этот строгий порядок нарушил. Для подъёма “изделия” с поддона контейнера на подставку в центральной части нужно было снять крышку, вернуть “продуктовый” винт, а на его место завернуть рым-болт. Секретную крышку и винт по спешке вместо сейфа я положил в карман халата. Дело было в конце смены, был, кажется, месяц март, уже пригревало, но снег ещё лежал. Я так и побежал в тапочках и в халате по тропинке к зданию 206, где была раздевалка и снимали спецодежду. Про детали в кармане я забыл. Около тропинки к зданию 206 между соснами была закреплена перекладина, на которой мы соревновались в подтягивании, а кое-кто и крутил колесо. И надо же, именно в этот момент мне загорелось пару раз крутнуться на этой перекладине. . .

Наутро на “центральной” нужно подавать крышку на сборку узла, а двух секретных деталей нет. Мгновенно вспомнил, хватать за карман, а там пусто! Догадался, побежал к перекладине – нет деталей. Своими силами и силами своего цеха найти детали не удалось. Привлекли к поиску работников 26-го цеха и службу дозиметрии. Целую неделю снег на тропинке между зданиями 201 и 206 длиной около 150 метров просеивали через решето, но нашли только крышку. Затем привезли большой бак с вентилем, подвели горячий пар. Снег на тропинке собирали и в баке топили. Но злополучный “продуктовый” винт найти так и не удалось. Поиски были прекращены. Меня спасла найденная крышка – поверили, что я действительно потерял деталь на заводе, а не унёс за проходную. Режимные службы (КГБ) спустили дело на усмотрение директора. Дали мне строгача и лишили премии, чему я был очень рад. Могло быть куда хуже. За время поисков, различных допросов с пристрастием из-за переживаний я потерял килограммов пять веса. Об этом случае долго говорил весь завод”.

А я помню, как однажды во время студенческих летних каникул, приехав к родителям, встретил в лесу недалеко от г. Юрюзани цепь солдат, идущих буквально плечом к плечу. Офицер долго расспрашивал меня, как я тут оказался, не встречал ли кого, показывал фотографию. Только через много лет я узнал: тогда в выходные дни пропал один из инженеров завода, обладающий сверхсекретной информацией. В район Трёхгорного были переброшены крупные воинские части, началась войсковая операция. Поиски ни к чему не привели, версии были такие: бежал с этой секретной информацией, или его выкрали. Только где-то через месяц кто-то из рыбаков наткнулся совсем недалеко от города на его труп: этот несчастный с кругого берега нырнул в омут, а там оказался железный штырь от старой плотины.

Степень секретности была такова, что однажды на испытательном полигоне, куда постоянно выезжали сотрудники завода для испытания перед сдачей в войска своих “изделий”, к неисправной боеголовке не допустили даже С. П. Королёва.

Неприятности были и другого рода. Из воспоминаний А. Ф. Шамсутдинова, инженера-технолога: “В 1962 году на Кубу направили “изделия” нашего завода. Об этом знал весь мир. Но наши изделия были спроектированы и изготовлены для хранения и эксплуатации в условиях России, а Куба – экваториальная страна с жарким и влажным климатом. Её климатические условия совершенно не соответствовали техническим условиям эксплуатации наших “изделий”. Правда, американцы скоро вынудили нас вывезти ракеты с ядерными боеголовками с Кубы, однако это не сняло проблему. Они вернулись с изъёмом, в чём обвинили нас, заводчан, хотя это была вина разработчиков. Впрочем, их вины тоже не было. Никто не собирался хранить ракеты в условиях Кубы”.

Но есть в истории Трёхгорного случаи, которые вспоминаются с улыбкой, они стали своего рода легендами.

Рассказывает Анатолий Геннадьевич Коган: “Сроки ввода котельной были жёсткие. Цех строили заключённые, а спецработы вели вольнонаёмные из “Главспецмонтажа” Главка. Как оказалось, не очень добросовестно.

Мы готовились к пуску котельной. В 1954 году впервые разрешили набирать рабочих из местного населения. И вот устроился к нам в цех зольщиком местный Беляев, который стал доставлять хлопоты тем, что регулярно забирался на металлическую дымовую трубу высотой 60 метров по наружным скобам, вставал на кромку трубы и кричал всё, что ему задумается. Его ругали, наказывали, а он всё равно снова лез, выполняя свой цирковой номер.

Однажды приходит ко мне в кабинет и говорит, что дымовая труба прохудилась и скоро упадёт. Я не поверил. Спустя несколько дней неугомонный зольщик принёс мне в кабинет скобу от лестницы из верхней части трубы и сообщил, что она там уже не держится, а в трубе имеются просветы. Верхняя часть трубы, высотой в 20 метров, качается от ветра. Я доложил Володину об этом.

Вскоре после этого подул сильный ветер. Мне доложили, что верхняя часть трубы под угрозой падения. Падение возможно в сторону зоны заключённых, где работало 40 человек. Я распорядился немедленно вывести из зоны заключённых, дал телеграмму о немедленном прибытии представителей Главка в связи с аварийной обстановкой. Прибыло человек 15. В том числе из КГБ, а также замначальника Главка Г. П. Андреев. Показали качающуюся трубу. Они постояли, посмотрели, сказали мне, чтобы я не паниковал и пошёл к автобусу, чтобы уезжать. Вдруг бежит кто-то из рабочих и кричит, что труба падает. Все вновь пошли смотреть на трубу. Она несколько раз качнулась и упала на территорию зоны заключённых. Все пошли в кабинет и составили акт о падении трубы, об износе металла. Таким образом был засвидетельствован факт падения трубы не по вине обслуживающего персонала. Не будь циркач Беляев так бдителен, я мог бы попасть под суд.

Была весна. Остаток отопительного сезона доработали с остатком трубы в 40 метров. К следующему отопительному сезону была выполнена надёжная труба, которая стоит и до сих пор. С разрешения директора завода из упавшей части трубы были изготовлены металлические гаражи. Они, по-видимому, стоят и сейчас.

История с падением трубы в министерстве и за его пределами превратилась в байку. Как, мол, один начальник цеха вычислил время падения трубы и собрал комиссию к этому часу. Я её слышал в Главке не один раз, но уже без фамилии и места, где это случилось”.

Константин Арсеньевич Володин ушёл на пенсию в феврале 1963 года, для большинства заводчан неожиданно, не было положенных в таком случае проводов, не все даже сразу узнали об этом. Как гласит биографическая справка: “Огромное напряжение при организации производства обычных и ядерных боеприпасов подорвало здоровье, и он ушёл на пенсию”. В Трёхгорном одна из улиц, окнами на завод, носит его имя. Ежегодные лыжные соревнования его имени собирают почти весь город. Они положили начало ныне широко известному горнолыжному комплексу на горе Завьялихе.

Видимо, его уход на пенсию был не плановым, видимо, замена ему не была подготовлена, потому как на его место пришёл, как оказалось, всего на год, пока Константину Арсеньевичу подбирали достойную замену, генерал-майор Леонид Андреевич Петухов, работавший заместителем начальника Главка (при Алфёрове), Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, до ухода в Главк 11 лет проработавший, как и К. А. Володин, гендиректором одного из заводов Министерства среднего машиностроения. Первое время заводчан удивляла неженеральская мягкость Леонида Петровича Петухова в противовес жёсткости Володина, но было уже другое время, когда можно было немного расслабиться, к тому же мягкость совсем не исключает требовательности. Да, с уходом Володина напряжённость на заводе спала. Прежде всего, изменилось отношение к заводу наверху, точнее, к Константину Арсеньевичу Володину, которое распространялось на весь коллектив. Над заводом больше не висела атмосфера бесконечных придирок, выговоров. Первое, что сделал Петухов, – потребовал сократить до минимума сверхурочные. Если Володин сам вникал в любое дело, порой подменяя подчинённых, то Петухов запретил по каждому случаю обращаться к директору – для того есть начальники цехов, руководители других служб. Сначала считали его бюрократом, а потом убедились, что так работать лучше. Леонид Петрович был человеком по-своему тоже удивительным. Он приучил завод работать не по законам военного времени, хотя порой обстоятельства заставляли отступать от этого принципа.

Александр Георгиевич Потапов – особая страница в истории завода и города. А. Г. Потапов был главным инженером с самого первого дня завода, он пришёл на него вместе с К. А. Володиным, и, хотя был подобран на эту должность без учёта мнения Володина, и несмотря на то, что характерами они были очень разными, если не противоположными, разногласий между ними не возникало. В мае 1964 года Л. А. Петухов назначается начальником 6-го Главного Управления Минсредмаша, а А. Г. Потапов – директором завода. Складывается впечатление, что Л. А. Петухов и приехал-то на год на завод, чтобы присмотреться к нему и к коллективу. Над Потаповым, можно сказать, было почти безоблачное небо, что совсем не значило, что уменьшился спрос с завода, просто к его директору и коллективу стали относиться с заслуженным уважением. При А. Г. Потапове 26 апреля 1971 слесарю-лекальщику 15 цеха А. Д. Сотникову было присвоено звание Героя Социалистического труда; сразу 7 человек были награждены орденом Ленина, 11 – орденом Октябрьской революции, 23 – орденом Трудового Красного Знамени, 25 – орденом “Знак почёта”, 16 – медалью “За трудовую доблесть”, 22 – “За трудовые отличия”. А уже через три дня, 29 апреля, был подписан указ о присвоении звания Героя Социалистического Труда самому А. Г. Потапову. А 30 ноября коллективу присваивается звание “Предприятие коммунистического труда”. И уже ни один следующий год не обошёлся без громких наград.

И если при К. А. Володине и отчасти при Л. А. Петухове во главе всего стояло срочное серийное производство новейшего ядерного оружия, в результате чего была запущена социальная сфера, стал отставать от времени уровень автоматизации и механизации производства – не до того было! – то теперь можно было вздохнуть, подумать о нормальном жилье, о душе. Ей тяжело жить рядом с самым страшным в мире оружием, даже с сознанием, что оно если не предотвращает, а хотя бы отодвигает мировую войну. При А. Г. Потапове город обрёл детские сады, школы, библиотеки, его детищем и гордостью стал дворец культуры “Икар” с большим залом на 800 и малым залом на 200 мест, открытый 30 марта 1971 года. На территории завода были высажены голубые ели, появились многочисленные цветники, клумбы. Александр Георгиевич ежегодно открывал лыжные соревнования памяти К. А. Володина. Но душе всего этого было мало.

А. Г. Потапов считал: что бы человек ни делал, он должен приобщаться к прекрасному, иначе он потеряет человеческую сущность. К тому же Александр Георгиевич понимал, что, даст Бог, рано или поздно заводу нужно будет если не полностью переходить на мирное, конверсионное производство, то развивать его параллельно, постепенно наращивая. Неожиданно для других, а внутренне он давно к этому шёл, А. Г. Потапов загорелся идеей организации на заводе чугунного художественного литья, подобного знаменитому Каслинскому. Он как бы предвидел, что сам Каслинский завод в скором времени, в “перестройку” попадёт в руки бандитов, в конце концов, несколько раз переходя из рук в руки, будет уничтожен, а оборудование будет сдано в металлолом. И если недавно он начал снова выпускать продукцию, то пока только в виде садовых скамеек, фонарей. Художественное литьё в чугуне возникло на Урале ещё в XVIII веке, практически на заре горнозаводского дела: в Каслях, Кусе, Невьянске, Тагиле, но так как наиболее полное развитие получило в Каслях, со временем, независимо от места производства, за пределами Урала стало называться Каслинским. К началу XIX века искусство формовщиков, чеканщиков достигло наивысшего расцвета. Ажурное художественное литьё, всевозможные “фигурки”, как их называли мастера в обиходе, и, наконец, изумительные копии с работ французских мастеров – всё это дало возможность принимать участие во всемирных выставках в Санкт-Петербурге, а потом и в Вене, Стокгольме и, наконец, в 1900 году – на Всемирной выставке в Париже, где каслинцам был вручён хрустальный кубок “Гран-при” и Большая Золотая медаль за чудесное творение – чугунный “Павильон” и скульптуру Е. Лаверецкого “Россия”.

В 1980 году был открыт музей Каслинского художественного литья. Это был праздник не только завода, но и всего города, хотя доступ в музей был ограничен, так как он располагается на территории особо режимного объекта. А заводские мастера набирали опыт. Помещение музея пришлось расширить. Все привезённые для реставрации работы показывали сначала Александру Георгиевичу Потапову. Он не хуже искусствоведов оценивал, стоящая ли

это вещь или простая поделка. До предела занятый своей работой, он всегда выкраивал время для музея. Впрочем, в музее он отдыхал душой. Из воспоминаний Л. Т. Мирошник: “После его смерти мы долго не могли вернуться к творческому накалу, темпу работы, к которым он нас приучил”. Ныне в уникальном музее Каслинского художественного литья на заводе в Трёхгорном более 400 работ. Подобного музея больше нет в России.

Александр Георгиевич Потапов, проработавший на заводе более 30 лет и 23 года – в должности генерального директора завода, оставивший яркий след в истории города и завода, умер на рабочем месте, точнее сказать, на боевом посту 9 февраля 1987 года в 11 часов 30 минут. Его, как и Константина Арсеньевича Володина, с которым они начинали строить завод и город, не пощадила многолетняя напряжённая работа по созданию ядерного щита России. Умер, оставив завод и город накануне катастрофической “перестройки”, в которую в скором времени обрушат страну. По заводу ядерного оружия, по закрытому городу “перестройка” ударит особо страшным образом.

Не для красного словца писалось и говорилось: Урал – становой хребет страны! Так было на самом деле, начиная с XVIII века, здесь ковалось оружие России. Из поколения в поколение гордились этим. И именно небольшие уральские города с большими оборонными заводами, которые, как правило, были градообразующими, больше других пострадали во время так называемой перестройки. Моя родная деревня Михайловка, мой родной Малояз в недалёком отдалении были окружены “запретками” или, как ещё их называли, “почтовыми ящиками”, потому мы тоже чувствовали себя причастными к тому, что там производилось, гордились этим, у многих там жили и работали родственники. Как я выше писал, ночью у нас часто на юге над горами полыхало небо и что-то грохотало, летом это можно было принять за грозу, порой за грозу и принимали, но гроза не могла греметь в течение почти всей ночи, не приближаясь, не удаляясь, а на одном месте, тем более, зимой. Это, как стало потом известно, на полигоне около города Усть-Катава испытывали ракетные артиллерийские установки, где они производились, а для отспирации Усть-Катавский завод выпускал трамваи. А во время Великой Отечественной войны в Усть-Катаве производили и испытывали танковые пушки, боевыми снарядами-болванками стреляли в скалу прямо рядом с железной дорогой. Ныне, проезжая по железной дороге, люди не догадываются, что испещрённая воронками скала – это следы тех военных испытаний. Неплохо было бы, если бы на скале появилась мемориальная доска.

В тяжёлую пору перестройки город стал называться Трёхгорным. 29 октября 1993 года глава администрации города Н. А. Лубенец подписал постановление о переименовании виртуального города “Златоуст-36” в реальный город Трёхгорный, и он вдруг появился на географических картах. О том времени говорят страшные цифры статистики, причем, свойственные тогда всей нашей стране: в 1993 году в городе бракосочеталось 196 пар, а развелось 212, дети ещё рождались, но число родившихся уже догоняло число умерших. 5 июня 1994 года на праздновании 40-летия города были объявлены новые почётные граждане города, а 11 августа на городской профсоюзной конференции по коллективному договору на первое полугодие 1994 года было дано согласие дирекции завода на переход работы завода на 3-дневную рабочую неделю. 15 августа началось массовое увольнение пенсионеров по сокращению штатов, правда, с правом получения в течение 6 месяцев пособия по среднемесячному заработку. А уже 27 октября на городской площади состоялся митинг протеста против ухудшения жизни трудящихся завода и города, в нём приняло участие около 3 тысяч человек. 3 ноября рабочие наконец-то получили зарплату за август и сентябрь: 14-15 ноября на завод должен был приехать министр атомной энергетики академик Виктор Никитович Михайлов, и если бы рабочие перед его приездом не получили зарплату, лучше бы ему в городе не появляться!

И так продолжалось несколько лет. 31 января 1995 года только после поездки делегации завода и города в Москву работникам основных цехов начали выдавать зарплату за ноябрь 1994 года. 16 января 1996 года получили зарплату за ноябрь 1995 года, 5 февраля – за декабрь. 5 мая 1996 года приехавший, наконец, в Трёхгорный министр атомной энергетики В. Н. Михайлов встретился с представителями трудящихся завода и обещал хоть сколько-нибудь разрядить создавшуюся напряжённую обстановку. 8 мая, как он и обещал,

заводчане получили зарплату за март. На заводе и в городе в этой, казалось, безвыходной обстановке всё чаще вспоминали своего первого директора, Константина Арсеньевича Володина, и 27 мая по инициативе ветеранов состоялся городской митинг, посвящённый его 95-летию. Но в создавшейся обстановке, наверное, и он был бы бессилён, что-либо сделать. Ещё больше вспоминали Александра Георгиевича Потапова. В народе до сих пор говорят, что если бы в 90-е годы директором Трёхгорного был он, завод безболезненнее пережил бы разрушительную “перестройку”. Александр Георгиевич нашёл бы выход из создавшегося положения, каслинское литьё тому пример.

А у КПП города неистовствовали “народные избранники” разных уровней и мастей, вплоть до депутатов Госдумы, размахивали мандатами. Не секрет, что некоторые из них зарплату получали не только в России. Доверчивый российский народ, не имея опыта, избирал чаще всего всплывший на перекатах народной судьбы мусор, а то и откровенное либеральное дерьмо (впрочем, в этом смысле мало что изменилось и теперь). Тут же крутились всевозможные борцы за права человека и правозащитники, требовали немедленно открыть город и рассекретить производство завода. Порой привозили с собой явных сотрудников иностранных спецслужб, пытались силой прорваться через КПП, дело доходило чуть не до предупредительных выстрелов в воздух.

С рассекречиванием, с появлением Трёхгорного на картах, с административным переподчинением его Челябинской области город оказался беззащитным перед набросившимися на него доморощенными “демократами”, мечтавшими свергнуть стоящий в городе памятник отцу советской атомной бомбы Игорю Курчатову, которого они сгоряча приняли, видимо, за Феликса Дзержинского. Клеветали они и про то, что “закрытый город” якобы живёт, “как при коммунизме”. Тогдашнему главе администрации Трёхгорного Н. А. Лубенцу пришлось в газете “Челябинский рабочий” униженно объяснять, что ни у кого они на шее не сидят. Несмотря на то, что зарплату, как и многие в стране, получают с большими перебоями, за все эти годы ни разу не сорвали государственный план: на заводе утилизируют не только устаревшее, снятое с вооружения ядерное оружие, но и постоянно идёт отгрузка новейших “изделий”, в том числе в космические войска. Он не задумывался о том, что, может, как раз последнее “демократов” и не устраивало.

Это было время великой горечи и великой безысходности. А на заводе утилизировались, уничтожались не только устаревшие или с истёкшим сроком годности типы вооружений, а в соответствии с навязанными международными договорами по якобы совместному сокращению ядерного оружия и новейшие разработки, которым не было аналогов в мире, и которые могли быть гарантом безопасности России. Один только пример с “убийцей авианосцев”, морской торпедой “Шквал”, которая развивала под водой скорость в 385 километров в час. Уничтожалось всё, что, что многие годы создавалось, в том числе бессонными ночами. Руками самих заводчан целенаправленно уничтожалась оборонная безопасность России, все – от генерального директора до рабочего – понимали, что всё идёт к физическому уничтожению России, в лучшем случае, к превращению её в сырьевую колонию с дешёвой рабочей силой.

И в эту трудную пору безвременья, в пору всевозможных толков о судьбе Трёхгорного, в которых всё больше главенствовал слух: “Город откроют, а завод закроют”, – в 2009 году сначала заместителем генерального директора, а через четыре месяца генеральным директором Приборостроительного завода назначается 51-летний, как в своё время и К. А. Володин, инженер-полковник Михаил Иванович Похлебаев, до того работавший заместителем директора Департамента промышленности ядерных боеприпасов Росатома. Гадали: за какие грехи такое явное понижение? С кем-то не сошёлся характером? Повторяет судьбу первого директора Константина Арсеньевича Володина? Но, как выяснилось, всё обстояло иначе. **За чередой славных победаний с Америкой наступило горькое похмелье, а за ним – прозрение. Сущность Америки не изменилась. Развал Советского Союза, в котором она от всей души поучаствовала, не конечная её цель. Основная её цель – уничтожение России.**

И если император Александр III говорил, что у России нет союзников, кроме армии и флота, то теперь у России не было ни сколько-нибудь сильной армии, ни флота, теперь у неё оставался единственный союзник – ядерное оружие. И вчера ещё стоящий под угрозой закрытия, оклеветанный, униженный

город за колючей проволокой, уже воспринимающийся его жителями чуть ли не как лагерь заключённых, снова стал вместе с другими подобными городами чуть ли не единственным аргументом в создавшемся новом противостоянии. И встал вопрос: кто может возглавить завод, чтобы заставить его работать по законам почти военного времени. Нужен был новый Володин, но с чертами характера Потапова. И среди предложенных нескольких кандидатур выбор пал на М. И. Похлебаева, которому в приватном разговоре было сказано: “Не считайте это понижением, считайте доверием. В несколько лет нужно перевооружить все ядерные силы России: подводный флот, военно-воздушные, военно-космические и сухопутные войска. Вопрос стоит так же остро, как после Великой Отечественной с первой атомной бомбой: кто кого опередит? Других шансов история нам не даст. Вы родились в этом огороде, почти ровесник заводу. Поезжайте на родину, если надо, работайте в три смены”.

Трёхгорцы, разумеется, не знали об этом разговоре. Но сам факт назначения М. И. Похлебаева вызвал у них надежду. Потому что он, прежде всего, сразу по двум позициям был свой. Во-первых, он был не какой-нибудь управленец-менеджер, на которых ныне мода и который может, толком не зная дела, управлять чем угодно, а ядерщик-производственник, специалист в области радиоэлектронной аппаратуры и организатор производства и испытаний специзделий ядерно-оружейного комплекса, внёсший вклад в создание и отработку спецприборов и аппаратуры для ядерных боеприпасов в водной среде. А во-вторых, он родился в Трёхгорном, который в то время был ещё Златоустом-36. Потому у трёхгорцев особое отношение к Михаилу Ивановичу, как у Михаила Ивановича особое отношение к трёхгорцам: он ненамного моложе города и рос вместе с ним.

М. И. Похлебаев с золотой медалью окончил общеобразовательную школу, в 1981 году с красным дипломом – МВТУ им. Баумана. В этом же году, призванный в армию, он стал инженером Московского научно-исследовательского электромеханического института, и уже в следующем – служил в родном городе, тогда ещё Златоусте-36, инженером военно-сборочной бригады: “Когда мне предложили службу в группе военно-сборочной бригады (впоследствии – аварийно-испытательный отдел) в родном городе, я недолго думал, согласился. Жил в столице, но всегда мечтал вернуться в родной Трёхгорный... Мне иногда и пяти часов хватает, чтобы выспаться: здесь чистейший воздух, вышел утром на зарядку или пробежку. Природа просыпается, и ты вместе с ней! Почти счастье...”

Первое, что нужно было сделать, – вдохнуть в людей надежду в будущее завода и города, в крайнюю необходимость их труда для настоящего и будущего страны. Наряду с сохранением и совершенствованием основного производства – ядерного оружия, – необходимо было расширение производства мирного профиля, чтобы, кроме всего прочего, ликвидировать в городе безработицу. В ряду таких мер, как учёба персонала, переоснащение оборудования, Михаил Иванович Похлебаев не меньшую ставку делает, как и А. Г. Потапов, на отдых людей, культуру и спорт. С возвращением Михаила Ивановича Похлебаева в Трёхгорный в качестве генерального директора завода частым гостем города стала замечательная исполнительница русских народных песен и русского романа, упорно игнорируемая “отечественным” телевидением, уроженка Урала Татьяна Юрьевна Петрова. Любовь к русской песне передалась Михаилу Ивановичу от матери, которая в самую напряжённую для завода пору, несмотря на шестидневную рабочую неделю и всевозможные сверхурочные, пела в заводском хоре, а он вместе с ней ходил на репетиции, потому как его вечером не с кем было оставить. Услышав от своего соседа, генерального директора Катав-Ивановского приборостроительного завода по производству навигационного оборудования для военно-морского флота, Динара Равильевича Сагдетдинова об Аксаковском фонде, о ежегодном Международном Аксаковском празднике в соседней Башкирии, в Уфе, он напросился на очередной Аксаковский праздник и, присмотревшись к Аксаковскому движению, активно включился в него, стал, как и Д. Р. Сагдетдинов, членом Попечительского совета Аксаковского фонда, уже заботясь не только о своём городе.

Уникальным спецпокрытием из нитрида титана покрыты купола Дмитриевского храма в Аксаковском в историко-культурном центре “Надеждино”, при финансовой помощи Приборостроительного завода прошли Аксаковские

дни в Черногории. А в Трёхгорном вдобавок к уже существующим культурным программам была развёрнута обширная программа Аксаковского фонда: выставки известных российских художников, детского творчества, концерты народных и профессиональных коллективов, презентации фильмов... В городе побывали истинные народные артисты России, патриоты-державники Александр Михайлов, Николай Бурляев, дважды Герой Советского Союза легендарный космический ремонтник летчик-космонавт СССР Виктор Петрович Савиных... В городе много башкир и татар, налажены творческие связи с соседней Башкирией, гостем города стал легендарный Башкирский государственный ансамбль народного танца им. Файзи Гаскарова.

Центральная детская библиотека города стала носить имя великого русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, автора удивительных книг “Детские годы Багрова-внука”, “Семейная хроника” и всеми любимой сказки “Аленький цветочек”, на которой воспитываются уже десятки поколений детей не только в России. Семья Аксаковых, крепкая семейными и национальными устоями, вошла в историю России как пример семейной гармонии, уважения младших к старшим, семейных отношений в народе и между народами. Книги Сергея Тимофеевича Аксакова имеют особое, может, с виду незаметное, но постоянное и глубокое влияние на отечественную культуру. Прежде всего, тем, что они закладывают основы детской души. Аксаковская библиотека в Трёхгорном, несомненно, одна из лучших библиотек России.

Ветераны завода, сравнивая М. И. Похлебаева с К. А. Володиным по жёсткости и твердости характера, по тому, что его, как и К. А. Володина, бросают “закрывать амбразуры”, ещё в большей степени сравнивают его с А. Г. Потаповым, который, оснащая завод новым оборудованием, обучая и переучивая его персонал, делал ставку на быт, на культуру, на спорт, говоря, что, кроме всего прочего, это выгодно для производства. По инициативе М. И. Похлебаева в Трёхгорном начали возрождать хоккей с шайбой. При содействии Аксаковского фонда был налажен контакт со знаменитым уфимским хоккейным клубом “Салават Юлаев”. За последние полтора года в городе появилось три хоккейных площадки с хорошими раздевалками. Проводится чемпионат города, в котором участвует уже девять команд! Кроме того, сформированы юношеские команды. Набрали и группу ребятишек 7–9 лет. Мальчишки неплохо выступают на первенстве в соседней Башкирии, попадая в число призёров. В будущем планируется заявить об участии в чемпионате Челябинской области взрослой команды из Трёхгорного. Приборостроительный стал инициатором проведения и открытого Кубка завода, который проводится перед началом хоккейного сезона. В перспективе планируется совместно с городским, областным и федеральным бюджетами построить в Трёхгорном ледовый дворец для развития не только хоккея, но и фигурного катания. А располагаться он будет, учитывая закрытость города, на въезде в город, чтобы в открытых соревнованиях могли участвовать спортсмены со всей страны. Как результат – целая россыпь великолепных спортсменов, представляющих на всевозможных соревнованиях, в том числе на Олимпийских играх не только родной Трёхгорный, но и всю Россию.

А. Г. Потапов любил повторять: “Нация – это образование и здоровье”. М. И. Похлебаев, продолжает его мысль: “Молодёжь должна оставаться жить, учиться и работать в родном городе, и для этого нужно создать все условия”.

У закрытых городов, у людей, живущих в них, своя психология, не всегда понятная другим. Я снова вспомнил слова, которые сказал кто-то после концерта приехавших со мной артистов: “Если бы вы знали, как мы рады вам, приехавшим с Большой земли!” Они – часть России, но в то же время живут своим особым миром. По сегодняшним циничным временам, может, это будет громко сказано, но прежде всего, их жизнь – жертвенное служение Родине. Существует такой удивительный литературный альманах: “Антология поэзии закрытых городов России”. В стихах – гордость за свой труд и в то же время боль, обида, что город, его люди сначала в силу сверхсекретности, а теперь – в силу пренебрежительного отношения к ним оказались ещё в большей изоляции, прежде всего, психологической. А ведь они делают судьбоносное дело! Запад, призывающий нас к сокращению ядерного оружия, сам не собирается отказываться от него. Более того, две главные военные державы так называемой Единой Европы – Англия и Франция, – несмотря на традиционные внутренние противоречия между ними, подписали беспреце-

дентный договор о полномасштабном военно-техническом сотрудничестве, основу которого составят совместные действия по созданию ядерной бомбы нового поколения. В планах Даунинг-стрит и Елисейского дворца – формирование большого исследовательского ядерного центра. Одна часть его, где сосредоточатся разработчики, будет размещаться в Великобритании. Франция же берёт на себя испытание новых моделей стратегического ядерного оружия.

Но в том-то и незаменимость “варварского” ядерного оружия, что оно скорее психологическое, чем реальное, страх перед страшными разрушениями и не менее страшным радиоактивным излучением, и не менее страшными его последствиями – гарантия, что пока оно есть у России, на неё никто не нападёт. Конечно, будем мечтать о времени, когда в этом оружии не будет нужды, но ныне, увы, пока это только мечты, не более того. И трёхгорцы, несмотря на пережитые трудности, несмотря на принесённые им обиды, гордятся, что они спасли мир от Третьей мировой войны. И пока есть у России ядерное оружие, на неё никто не посмеет напасть.